

Интервью номера

Мстислав Ростропович: «Не надо жать руки премьер-министрам...»

Ростропович Мстислав Леопольдович

18.06.04

Михаил БЕЛЫЙ, Ульяновск

Последний раз Мстислав Ростропович приезжал в Ульяновск тридцать лет назад. Тот визит в 1974 году для маэстро оказался знаковым — это были его последние гастроли в Советском Союзе. Мстислав Леопольдович до сих пор вспоминает, как его афиши в Ульяновске в срочном порядке заклеивали объявлениями об открытии в городе выставки кроликов. После этого он был вынужден покинуть страну... На днях Ростропович вернулся. Вместе с супругой Галиной Вишневской, Центр оперного пения которой проводит в Поволжье свои первые российские гастроли. На этот раз Ульяновск встретил маэстро совсем по-другому. Звездный дуэт поджидали приятные сюрпризы. Один из них преподнес Ульяновский госуниверситет — в торжественной обстановке Ростроповичу и Вишневской присвоили звания почетных профессоров. После этого Мстислав Леопольдович пожелал встретиться с ульяновским студенчеством. Корреспондент «РК» принял участие в этой получившейся весьма интересной беседе.

— Мстислав Леопольдович! Если не секрет, как начинал свой творческий путь маэстро Ростропович? Говорят, у вас есть целая легенда по этому поводу...

— История начинается с того, что в 1927 году моя мама сказала папе, что беременна. Родители решили, что этот ребенок им не нужен — в наличии уже имелась маленькая дочь. Вы только представьте: это я — и не нужен! Впрочем, все обошлось, мама даже была на месяц дольше беременна мной, чем полагалось. Родители были провинциальными музыкантами, я все время слушал, как они репетировали. Отец почувствовал, что у меня определенные способности, и решил, что сын должен обязательно учиться в Москве...

— Покорение столицы далось непросто?

— Действительно, мы поехали в Москву, абсолютно ничего не имея, даже не зная, где будем жить. Родители взяли самое ценное из вещей — японскую картину, сделанную в Подмосковье, и персидский ковер. В столице остановились прямо на улице — напротив здания нынешнего КГБ, на Лубянке. Мы часа четыре сидели на этом персидском ковре, а отец в это время ходил по улице и говорил: «Понимаете, у нас такой талантливый мальчик, но нет денег для того, чтобы остановиться в гостинице. Может быть, у вас есть какой-нибудь угол для нас, мы все оплатим! Трудно поверить, но

одна женщина выслушала отца, внимательно посмотрела на меня и сказала: «Хорошо, у меня две комнаты. Как-нибудь уместимся».

— Мстислав Леопольдович, а как вы учились? В отличниках случайно не числились?

— Честно говоря, после первого курса у меня было семь «хвостов». Я просто не знал, что мне надо было сдавать экзамены, вот взял и не пришел. Такой вот я был неприспособленный человек. Но осенью все наверстал, а уже на втором курсе, похвастаясь, я играл очень хорошо — даже получил пять с плюсом! Но гораздо интереснее другое — в пятнадцать лет я начал преподавать...

— Тогда вы еще не были почетным профессором...

— Я до сих пор помню, как в музыкальном училище мне дали копию приказа директора этого учебного заведения, где было написано следующее: «В связи со смертью заслуженного профессора Леопольда Ростроповича его будет заменять Славик Ростропович».

— Насколько известно, в настоящее время вы живете в США. А чем занимаетесь, Мстислав Леопольдович?

— Хочу несколько слов сказать о своем фонде помощи молодым музыкантам. У меня сейчас более сорока стипендиатов — я им выплачиваю стипендии, названные именами моих ушедших друзей. К примеру, есть стипендия Шостаковича, Прокофьева... В этом фонде — феноменально одаренные люди. Но сейчас появилась одна нехорошая тенденция — желание родителей поскорее сделать из одаренного ребенка известного музыканта. Это часто губит карьеру.

— Бывали такие случаи?

— Да, однажды я услышал, как мальчик из Греции потрясаяще играл концерты Рахманинова. Я настолько загорелся, что написал его маме, хотел пригласить этого мальчика к себе в Вашингтон. Ведь ко мне, как вы знаете, приезжают самые известные музыканты, и он мог пообщаться с ними. Но его мама мне написала в ответ: «А сколько ему будут платить за концерт?» Увы, в четырнадцать лет карьера этого мальчика закончилась.

— Мстислав Леопольдович, кто из современных музыкантов вам особенно нравится?

— К сожалению, я знаю сегодня далеко не всех. Вот музыкантов из своего поколения я знал очень хорошо — они на каком-то облаке для меня уже накрыли столик. Сейчас есть молодой виолончелист Шаповалов, мне он очень нравится. Не могу не вспомнить известного скрипака Виктора Третьякова.

— Фамилия Ростропович сегодня стала олицетворением идеала не только в музыке, но и во всей культуре вообще. Если брать во внимание художников, кто вам ближе?

— Я человек более-менее обра-

Мстислав Ростропович и Галина Вишневская стали почетными профессорами Ульяновского госуниверситета

зованный. Знаю некоторых художников. Например, Пабло Пикассо, Марк Шагал и Сальвадор Дали были моими друзьями. Правда, Сальвадорчик хуже всех разбирался в музыке. Однажды он вместе с Шагалом пришел на мой концерт. Но Дали, в отличие от Шагала, досталось не самое лучшее место в зале. Может быть, поэтому он музыке почти не слушал, а расправлял усы и переживал, что Марк сидит лучше. После концерта Сальвадор сказал мне: «Знаешь, мне это новое сочинение совсем не понравилось, но как ты играл Моцарта!» Правда, Моцарта я на том концерте не играл.

— Говорят, в свое время у вас произошла удивительная встреча с писателем Лионом Фейхтвангером?

— Да, однажды Фейхтвангер пригласил меня к себе в гости. Я взял виолончель и поехал к нему. Увидев виолончель, Лион попросил меня сыграть. Когда я закончил, он подошел ко мне с большим фломастером, перевернул стул, на котором я сидел, и произнес: «Оставь автограф!» Я смутился, начал отказываться, на что он мне заявил: «Понимаешь, потом мне никто не поверит, что ты сидел на этом стуле и играл для меня».

— Мстислав Леопольдович, позвольте перенестись в иную плоскость. Скажите, вы не смотрите сейчас чемпионат Европы по футболу?

— Я ненормальный, что ли? Конечно, смотрю! А болею, естественно, за Россию. Впрочем, разве я болею! Самым диким футбольным болельщиком был, наверное, Шостакович. Помню, я как-то оказался в Измайлово, там был малосенький стадион. Шел сильный дождь. На этом стадионе тогда находилось от силы человек двадцать. Почему-то запомнилось, что играл «Зенит». И вдруг вижу на трибуне человека в большой шляпе и с портфелем. Подхожу — Шостакович! Я спрашиваю: «Дмитрий, что вы здесь делаете?» А он мне в ответ: «Представляешь, самый великий вратарь в мире играет на этом поле!»

— А вы ведете здоровый образ жизни? Сейчас, например, стало модным придерживаться той или иной диеты...

— Хм, здоровый образ жизни... (Смеется.) При моем графике диеты придерживаться просто невозможно — я же все время перелетаю из одной страны в другую.

— А к алкоголю как относитесь?

— Прекрасно отношусь! Мне 77 лет, а я как птичка!

— Вы только что сказали, что постоянно в разъездах. А какими языками владеете?

— Довольно свободно владею русским. (Смеется.) Могу говорить по-немецки, по-французски, могу соглашаться и не соглашаться. Английскую грамматику я совсем не знаю, поэтому люди понимают, о чем я говорю, но никто не знает, было это, есть или будет.

— Мстислав Леопольдович, что все-таки необходимо для достижения успеха?

— Прежде всего, талант! Я знаю людей, которых «раскручивают», у нас так принято. Но это, уверяю вас, ненадолго. Главное — быть профессионалом в своей профессии. А остальное может приложиться. Не надо жать руки королям и премьер-министрам, это надо делать после успеха...

P.S. После встречи Мстислав Ростропович с удовольствием оставил автографы в студенческих зачетках и пообещал вернуться. «Хотя у меня все расписано по дням до 2007 года, я обязательно найду «окно» — все-таки теперь я профессор вашего университета», — сказал на прощание маэстро.